Примечания

[1] *Gołąb Z., Heinz A., Polański K.* Słownik terminologii językoznawczej. W-wa, 1968, 341.
[2] *Piškur M.* Pomenska analiza besede *baba*. — Jezik in slovstvo X, 1, 1965, 6—15.
[3] *Bulat K.* Beiträge zur slavischen Bedeutungslehre (slavische Tiernamen in übertragener Bedeutung). — AfslPh 37, 1920, 93—116; 460—491.
[4] В последнее время на материале одной группы славянских метафорических образований подготовлена диссертация, ср.: *Старостенко Н. А.* Славянские народные термины, соотносимые с названиями животных. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1984.
[5] *Меркулова В. А.* Славянское *-*žab-*; праслав. **žarovъjь* 'высокий, прямой'. — В кн.: Этимология. М., 1963, 73.
[6] Лексіка Палесся ў прасторы і часе. Мінск, 1971, 34.
[7] *Семчинский С. В.* Билингвизм и заимствование метафор. — НДВШ. Филол. науки, 1975, № 4, 63.
[8] *Непокупный А. П.* Балто-севнославянские языковые связи. Киев, 1976, 64—66.
[9] *Толстој Н. И.* Из проблем словенских лексичких изоглоса. — Научни састанак слависта у Вукове дане 6, 1, 1977, 116.
[10] Ср. некоторые данные о распределении названий радуги с мотивацией 'пояс, кушак; ремень': Atlas Linguarum Europae (ALE). Assen, 1983, I; 1, карты 7, 9.
[11] См. примечание 4.
[12] Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1980, 2, 359.
[13] Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982, 2, 30.
[14] Ср.: *Pavelka Jiří.* Anatomie metafory. Brno, 1982, 130.
[15] Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982, 1, 113.
[16] *Судник Т. М., Цивьян Т. В.* О мифологии лягушки (балто-балканские данные). — В кн.: Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982, 147—148.
[17] *Меркулова В. А.* Указ. соч., 74—78.

Ю. П. Чумакова

ЛЕКСИКА ДИАЛЕКТА КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО СЛОВАРЯ

Утверждение в современной славистике реалистического тезиса о древней немонолитности праславянского языка и введение понятия праславянского лексического диалектизма выдвинуло на первое место среди источников реконструкции праславянского словаря диалектный материал. При этом лексикологической и лексикографической обработке подвергаются разрозненные факты множества различных славянских говоров. Но лексика конкретного говора или диалекта, входя в более широкие лексико-семантические системы (наречия, языка, родственных языков), как исторически сформировавшаяся реальность должна обладать определенной спецификой собственного «этимологического ландшафта», своеобразием соотношения генетических пластов, особенностями изолексных связей.

Специальное этимологическое и лингвогеографическое обследование архаического стратума словарного состава отдельных диалектов повышает информативность этого источника. Во-первых, в поле

зрения исследователя, как правило, попадают и еще не учтенные лексические и семантические архаизмы праславянского уровня. Во-вторых, в этом случае праславянские древности «извлекаются» из реальной лексико-семантической системы, где они включены в различные — семантические, структурные, корневые (часто с нарушенными связями) — объединения слов. В-третьих, обнаруженные в лексике диалекта праславянские регионализмы могут входить в характерные пучки изолекс, продолжающихся за пределами данной ограниченной территории в других славянских говорах. Учет подобных дополнительных характеристик, несомненно, служит уточнению значения и формы праславянского слова, способствует прояснению диалектных отношений и контактов архаического уровня.

В статье использованы материалы рязанских говоров, вошедшие в Деулинский словарь, а также собранные автором в Рязанском, Захаровском и Михайловском районах Рязанской области. В плане исторической ретроспективы эти южновеликорусские говоры локализуются в летописной земле вятичей, в центре бывшего Рязанского княжества, между старых древнерусских городов: Рязань, Пронск, Ижеславль (с. Жеславь Михайловского р-на), Переяславль (современная Рязань). Для традиционной системы говоров указанной территории еще недавно были характерны глубоко архаические явления в области фонетики и грамматики [1]. Не менее интересна в этом отношении и их лексика. Она хранит мощный пласт лексических архаизмов.

1. Многие лексические архаизмы рязанских говоров привлечены в ЭССЯ (1—10) и другой этимологической литературе [2] как праславянские образования. Специальные разыскания в этом направлении позволяют утверждать, что значительная часть праславянских архаизмов в диалектной рязанской лексике еще ждет своего выявления, что некоторые из них не зарегистрированы лексикографическими источниками.

Приведем лишь несколько новых примеров таких бытующих в рязанских говорах диалектизмов, которые с вероятностью можно возвести к праславянскому уровню.

Чулйда — 'неопрятный человек'. Ср. укр. диал. *чулинда* — пейоратив в фольклорном тексте прошлого столетия: За добрім чоловіком і *чулинда* жінка (Гринченко 4, 477); та же основа прослеживается в антропониме *Чулиндин* — г. Дмитров, 1623 г. (Веселовский. Ономастикон, 356).

Представляется возможным связать эти образования с продолжениями праслав. **čulъ*, **čuliti* в южнославянских языках и карпатских украинских говорах: болг. *чул* 'корноухий, безрогий, курносый', с.-хорв. диал. *чула*, словац. *čula* 'безухая овца', словен. *čúla* 'чурбан, дуралей', макед. *чули*, с.-хорв. *čúliti* 'навострять уши', словац. *čul'ic śe* 'гнуться', укр. карп. *чулий* 'безухий, с маленькими ушами', *чулити* 'повязать голову так, чтобы лоб был закрыт', *чулитися* 'прижать, навострить уши; съежиться; хмуриться' (ЭССЯ 4, 132) [3].

Не трудно заметить, что значения такого типа легко переходят в отрицательную оценку. Поэтому диалектизм *чулида* можно попытаться объяснить как производное глагола **čuliti* с редким праславянским суф. **-da*(**čuli-da*). Ср. отношения в праслав. **kriti*: **krida*, **kolti*: **kolda*. Среди свежих примеров интересен в этой связи белорусский диалектизм *кулида* 'буханка хлеба', истолкованный как образование с суф. **-da* от праслав. **kuliti* 'бить, колотить' [4]. Возможная аналогия **kuliti*: **kulida* и **čuliti*: **čulida* особенно любопытна на фоне установленного параллелизма корней **kul-*/**čul-* при всей семантической разветвленности этих гнезд [5]. Исходя из общей семантики корня **čul-* допустимо предположить для слова *чулида* примерно следующее направление семантического развития: 'сжавшийся, съежившийся, сморщенный', откуда затем 'невидный, некрасивый; неопрятный'. Предлагаемая этимология ряз. *чулида* вполне согласуется с существующим мнением о сравнительно большей активности суф. **-da* именно в пейоративной лексике [6]. В варианте *чулинда* он выступает с экспрессивным *n*-расширителем.

Усами́ть — 'успокоить, утихомирить (например, расшалившихся детей)'. Ср. донск. *усоми́ть* то же и 'угодить' (Донск. словарь 173). Это слово, по-видимому, должно поставить в ряд с отмеченными Далем в северо-восточных русских говорах глаголами *усамливать*, *усамить* 'усвоить себе, присвоить; сделать что по-своему, как сам хочешь; пригнать, приладить; приноровить; угодить' (Даль[2] IV, 510). Все перечисленные семантические оттенки глагола *усамить* укладываются в рамки более широкого значения 'достичь желаемого результата'.

Видевшаяся здесь Далю прозрачная связь с местоимением *сам* скорее внешняя. Есть основание предположить, что мы здесь имеем дело с глубоким архаизмом, требующим рассмотрения в том же индоевропейском контексте, который привлекал Махек сначала для этимологического истолкования слова **xomǫtъ* (ср. др.-инд. *śamyati* 'стараться, работать,' *śamáyati* 'успокаивать, унимать', *śamyā* 'палка, опора' — V. Machek. — Slavia XVI, 1939, 192, 211), а затем в связи с реконструкцией праслав. **somъ* 'главная часть ярма; бревно, жердь' (кроме др.-инд. *śamyā*, ср. еще авест. *sima* 'часть конской упряжи', арм. *samik'* 'два бревна в ярме', греч. κάμαξ 'жердь, шест', ср.-в.-нем. *hamel* 'жердь' и др. — Machek[2] 566). Оставляя в стороне вопрос о много раз обсуждавшейся и остающейся проблематичной этимологии слав. *xomǫtъ* (см. ЭССЯ 8, 69—70), по отношению ко второму случаю заметим, что попытка Фасмера связать рус. диал. *сомок* 'конек на крыше', *сомцы* 'продолжение бревенчатого сруба, завершающееся треугольным выступом', укр. *сомець* то же с корнем *мък-* (Фасмер III, 716) кажется менее убедительной не только потому, что тогда приходится объяснять форму *сомец* как вторичную, но и потому, что она не учитывает приведенного Махеком западнославянского материала, включающего различные семантические и формальные варианты, такие как словац. диал. *sôm* 'столб вереи', чеш. диал. *somík*, *somica* 'бревно между окон' и под.

В качестве источника для слова *у-самить* можно, вероятно, реконструировать праслав. глагол **somiti*, относящийся к **somъ* (< **kom-*) как производное образование со значением 'гнуть, стягивать; сдерживать, укрощать', откуда затем 'успокаивать, унимать' и иные вторичные смысловые оттенки. О связи значений 'палка', 'наказывать, мучить' и сходных отношениях словопроизводства см. слав. **globa*: **globiti* (ЭССЯ 6, 133—134).

Таким образом, русский диалектизм *усамить* может служить подтверждением праслав. **somъ*. С другой стороны, глагол **somiti* интересен как более точная в фонетическом отношении и опирающаяся на реальные факты (ср. у Махека предположит. праслав. **komiti* 'сдерживать, укрощать' — Slavia XVI, 1939, 192) славянская параллель к некоторым индоевропейским глаголам, принадлежащим также к старому и.-е. гнезду **kam-*/**kom-* и отражающим в своих значениях, вероятно, сходные результаты семантической эволюции. Кроме др.-инд. *śamyati*, *śamáyati*, здесь можно учесть греч. κάμνω 'работать до изнеможения, уставать; слабеть; мучиться; изготовить, сработать; добывать себе', κάμπτω 'гнуть, сгибать; смирять, подчинять' [7].

Еманный — 'маленький, щуплый; тесный (об одежде)'. Слово интересно как возможное отражение пассивного причастия **jьmanъjь* при праслав. **jьmati* 'брать'. К лексикализации этой формы и развитию значения ср., например, чеш. и словац. *jemný* 'мелкий, тонкий' из праславянского прилагательного **jьmьnъjь* к **ęti* (ЭССЯ 8, 230). Семантический сдвиг — по схеме: 'подвергшийся действию хватания; удобный для хватания' → 'такой, который легко взять, небольшой' → 'слишком маленький; тесный'.

Залепука, *залепупка*, *зелепупок*, *залепупок* — 1) 'завязь плодов и овощей', 2) перен. 'человек маленького роста'. Ср. блр. могилев. *зялепук* 'зеленые незрелые плоды' [8], калуж., тамб. *зелепупка* 'завязь плодов и незрелые ягоды' (Филин 11, 251).

На древность приведенных композитов указывает неосложненный характер первой основы, восходящей к праслав. **zel-* (ср. вторичное **zelen-*) и выполняющей в сложении атрибутивную функцию по отношению ко второй части, где представлены праславянские основы **puk-* или **pǫk-* и **pǫp-*. При всей противоречивости истолкования отношений между этими тремя элементами праславянского корнеслова в литературе — бесспорной остается объединяющая их связь со значением 'набухать, надуваться'. Поэтому у истоков этих диалектизмов можно предположить синонимичные праславянские сложные основы: **zelepuk-*, **zelepǫk-*, **zelepǫp-* с этимологическим значением 'зеленое вздутие; завязь, почка'. Основа **pǫp-* прослеживается со значением 'почка, завязь' в разных славянских языках также и как простая, самостоятельная форма (Фасмер III, 407). В рязанских говорах ср. *опупышек* 'огуречная завязь'. Отмеченные в некоторых южновеликорусских (Филин 10, 201; 11, 246—261), белорусских (Носович 207) и украинских (Гринченко 2, 148) говорах другие варианты сложения с *зел-*, различающиеся по консонантному исходу второй основы (*пут-*, *пух-* и др.), представляются более поздними.

В лексике рязанских говоров обнаруживаются и семантические архаизмы, помогающие раскрыть или подтвердить глубинные истоки современной семантики широко известного слова. Например, ряз. *съютить* 'соединить; сложить вдвое; смешать', *съютиться*, *ютиться* 'быть вместе, общаться; подружиться' при обычном рус. *ютиться* 'помещаться на небольшом пространстве' усиливают семантическое обоснование гипотезы о родстве праслав. **jutiti* с др.-инд. *yūti* 'смешение, смесь' (ЭССЯ 8, 199). Необычное значение ряз. *расщениться* — 'разгореться с новой силой (о погасшей золе)', как и орл. *щениться* 'тлеться, разгораться под пеплом' (Даль[2] IV, 655), соответствует семантическим возможностям и.-е. корня **(s)ken-*, продолжающегося в индоевропейской лексике со значениями 'рождать; начинать; новый; молодой' (Фасмер IV, 147) [9].

2. Исследователь конкретного диалекта, опираясь на широкий сравнительно-исторический фон, располагает и некоторыми дополнительными возможностями реконструкции, сориентированными на внутренние особенности диалектной системы.

а) Учет семантических связей слова в лексической системе диалекта. Так, сопоставление ряз. *накрякать* (*воз*) 'наложить большой воз' с синонимами *накрутить*, *навить* (*воз*) позволяет выделить в качестве общего мотивирующего признака всех трех глаголов идею поворота и связать первый с древним корнем **krękъ-/*krǫk-* 'гнуть', который, как считают, лежит в основе обширного этимологического гнезда славянской лексики [10]. Для истолкования ряз. *икраённый* 'очень похожий' как причастия при глаголе *окроить* важно наличие у этого слова синонима *обрезанный*, *обрезной*.

б) Учет архаических явлений в словообразовательной системе диалекта. Возможность реконструкции праслав. **zybъjь* при глаголе **zybiti* 'колебать' на основе ряз. *зыбо* 'завидно' подтверждается, в частности, сохранением в тех же говорах иных архаизмов того же типа: *ликой*, *улогий*, *разлатый* и др. Напротив, предположение о достаточной древности ряз. *порбдика*, используемого как ласковое обращение (Деулинский словарь, 443) и соотносящегося с *порода* 'род, семья, родня' (там же), опирается на его уникальность в словообразовательной системе говора: безударность суффикса выводит его из ряда существительных с характерным ударным *-ика*, составляющих, как заметили авторы словаря, живой, продуктивный класс слов [11]. С другой стороны, принадлежность этого слова, когда-то обладавшего, вероятно, конкретным значением 'родственник, родственница', к терминам родства позволяет сравнить его с такими праславянскими образованиями, как **ǫžika*, **bližika*, **družika* 'близкий человек, родственник' [12].

в) Изучение корневых групп, объединяемых одним архаическим корнем, которые представляют не меньший интерес, чем изолированные архаизмы. Они очень различны как по количеству составляющих их единиц, так и по степени разорванности этимологической близости. Ср., например, с одной стороны, ряз. *взъяглить* 'неожиданно и громко закричать' (к **(j)aglъjь* 'сильный, страстный') и ряз. *ягольник* 'горшок' (предположит. к **jagla* 'зерно, каша'), где связь

исходных праславянских основ на базе и.-е. **ieg*- 'сила' выдвигается лишь как возможная (ЭССЯ 1, 53; 8, 169), и с другой — ряд бытующих в рязанских говорах образований с экспрессивной основой **čе-рug-*, внутри которого связи только нарушены: *чепурной* 'форсистый', *при-*, *начепуриться* 'принарядиться', *начепурках* 'на корточках', *чепуркаться* 'возиться, медлить', *чепурок* 'сучок, penis' и нек. др.

Сам факт существования этимологического гнезда в системе диалекта с учетом архаических особенностей формы и значения отдельных образований служит показателем исконности, традиционной органичности этой лексики для данной территории, раскрывает утраченную деривационную активность корня. Ср. в рязанских говорах, наряду с общерусск. *оскомина*, *щемить*, также диал. *каметь* 'томиться при долгом ожидании чего-л', *скамезливый*, *скабезливый*, *скабежливый*, *скабежный* 'разборчивый в еде, привередливый' (Деулинский словарь 217, 515, 516), истолкованные Ж. Ж. Варбот как отражение праслав. корня **(š)ćem-/*(s)kom-* [13].

Соположение значений слов, образующих корневую группу в лексике диалекта, облегчает задачу семантической реконструкции и этимологического объяснения отдельных диалектизмов. Так, наречие *в улог* 'в лежку' (Деулинский словарь 575), отмеченное рядом с широко известным в рязанских говорах словом *улогий* 'увечный, хромой', помогает связать это прилагательное с праслав. **ulegti* и восстановить значение 'низкий, лежащий; наклоняющийся, припадающий' — как первоначальное [14].

3. В связи с задачами праславянской реконструкции нельзя не привлечь внимания к той информации, которая заложена в своеобразии ареальной характеристики рязанской лексики. Помимо ее отчетливых, но не рассматривающихся здесь связей с другими южновеликорусскими, белорусскими и украинскими говорами, помимо отмечавшихся в литературе совпадений с западнославянской лексикой,[15] вырисовывается достаточно выразительный пучок, по-видимому, прерывистых изолекс, объединяющих рязанские говоры с южнославянскими. Некоторые из них проходят через Полесье и Карпаты. В дополнение к уже известным сопоставлениям (ряз. *куна*, *кунка* 'пригоршня, горсть' — болг. диал. *кунка* то же и 'кисть руки'[16]; ряз. *чук* 'чуб' — южнослав. *čuka* 'гора, холм' [17]) приведем еще несколько рязанских соответствий к южнославянской лексике. Ряз. *разлатый* 'постепенно расширяющийся, широкий и неглубокий (о посуде)' идентично болг. *разлат* 'с низкими пологими краями; неглубокий', *разлат съд* (Геров 5, 33). Блр. диал. *разлатый* 'суковатый' несколько дальше в семантическом отношении. Поэтому заключение Г. А. Цыхуна об отражении в этом случае белорусско-южнославянской изоглоссы с упоминанием рязанского примера как второстепенного [18] нуждается, по-видимому, в уточнении. Тем более, что второе лексемное соответствие, привлекаемое Г. А. Цыхуном: с.-хорв. *razlatiti* и ряз. *разлатить* 'расширить, широко открыть', — не затрагивает белорусского. О распространенности прилагательного *разлатый* в некоторых других южновеликорусских говорах, вероятно, свидетельствует использование этого слова теми писателями,

в художественном языке которых отражены преимущественно южновеликорусские диалектизмы (ССРЛЯ в 17 томах, 12, 344).

Необходимо также уточнить с привлечением рязанского материала вопрос об ареале праслав. *puliti. Ф. Д. Климчук интерпретировал укр. закарпат. *упулити* (*очи*) 'уставиться' и блр. полесск. *пулыты* 'тужиться' (Брестско-Пинское Полесье) как карпато-полесскую изолексу архаического типа [19]. Рязанский материал не был известен, вероятно, и А. Е. Супруну, специально изучавшему генезис и географию этой лексической группы и описавшему, кроме белорусских и украинских диалектизмов, южнославянские образования в гнезде *pul-/*bul- с преимущественно «зрительной» семантикой, которую он считает для них первичной: болг. *пуля* 'таращить глаза', макед. *пули* 'уставиться, всматриваться; распускаться', с.-хорв. диал. *испуљити* 'высунуть' и др.[20] Между тем в рязанских говорах активно функционируют глаголы *упулиться* 'смотреть в одну точку' и *пулиться* 'силиться, тужиться', *поднапулиться* 'привести себя в состояние напряжения всех физических сил'. Примечательно, что здесь выявляются оба значения, отмеченные в разных пунктах карпатско-полесского региона.

В лексике рязанских говоров обнаруживаются, наряду с цельнолексемными соответствиями по отношению к южнославянским языкам, также лексические совпадения, выделяемые по общей корневой морфеме, имеющей предположительно праславянский и вместе с тем региональный характер. Кроме рассмотренного выше слова *чулида*, которое мы отнесли к праслав. *čul-, актуальному для карпатско-южнославянской зоны, можно еще указать на ряз. *неткиголовки* — 'о лучшем, наиболее продуктивном скоте' (Деулинский словарь 341). Первая часть этого сложного образования может быть продолжением архаического праславянского корня *nē-:nēti 'нести; приносить потомство', имеющего индоевропейские связи и представленного, по мнению О. Н. Трубачева, в с.-хорв. *zànijeti* 'понести, забеременеть' [21]. Рязанский пример в данном случае снимает уникальность и изолированность в славянской лексике сербохорватских диалектизмов [22].

Глубинные связи рязанской лексики с южнославянской, вероятно, можно обнаружить также на семантическом и словообразовательном уровнях. Имеются в виду некоторые общие региональные явления в семантике и структуре слов. Ср. ряз. *ликой* 'очень похожий' при обычном для рефлексов праслав. *lik- значении сходства у южных славян.[23] Ряз. *блаз* 'привидение, призрак, нечистая сила' и *блазь* в выражении *блазь страшная* (Деулинский словарь 57), продолжающие праслав. корень *blaz-, который обычно выступает в славянской лексике в виде осложненной основы *blazn-, с этой точки зрения как будто бы сопоставимы только с с.-хорв. диал. *блаза* 'чудовище, змея, которая, по народному поверью, охраняет сокровище' (ЭССЯ 2, 105).

Изложенные факты, касающиеся своеобразия лингвогеографической характеристики рязанской лексики, приобретают особый смысл, если учесть наличие в гидронимии Поочья «карпатизмов-апеллятивов», причем в верхнем и среднем правобережном Поочье

(где расположены наши говоры) ареалы таких гидронимов имеют конфигурацию южного характера, проходя на территорию южного славянства [24].

Сходство показаний гидронимии и апеллятивной лексики вряд ли может быть случайным. Все это делает задачу ареального изучения лексики рязанских говоров чрезвычайно актуальной.

Примечания

1 См.: *Гецова О. Г.* Говор села Катагощи. Дис. . . . канд. филол. наук. М., 1952; *Чумакова Ю. П.* Об одном архаическом диалекте Рязанской области. — Учен. зап. Рязанск. пед. ин-та. 1957, XXI, 126—141.

2 *Варбот Ж. Ж.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики (на материале словаря д. Деулино). — В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977, 255—.

3 См. также: *Куркина Л. В.* К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на *-u*. — В кн.: Этимология. 1971. М., 1973, 60—61.

4 *Козлова Р. М.* К этимологии белорусского *кулида*. — В кн.: Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы докладов. М., 1975, 283—285.

5 *Куркина Л. В.* Там же.

6 *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. — In: Słownik prasłowiański, 1, 63.

7 *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь М., 1955, I, 871.

8 Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Мінск, 1981, 38.

9 См. также: *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства. М., 1959, 43.

10 *Меркулова В. А.* Русские этимологии. VI. — В кн.: Этимология. 1981. М., 1983, 50. Впрочем, нельзя полностью исключить возможность истолкования глагола *накрякать* как вторичного варианта по отношению к *накрятать* (<* *krętati*).

11 Деулинский словарь. Введение, 18.

12 Подробнее см.: *Чумакова Ю. П.* Рязанские диалектизмы с суффиксом *-ика* на славянском фоне. — В кн.: Диалектологический сборник. Рязань, 1976, 11.

13 *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III. — В кн.: Этимология. 1973. М., 1975, 28—29.

14 См.: *Чумакова Ю. П.* К этимологии некоторых диалектных слов в поэзии С. Есенина. — В кн.: Исследования по семантике. Уфа, 1980, 127—131.

15 См.: *Варбот Ж. Ж.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики (на материале словаря д. Деулино).

16 *Риков Георги Т.* Бълг. *кунка, чунка*. — БЕ XXXI, 1, 1981, 46—48.

17 *Куркина Л. В.* Названия горного рельефа (на материале славянских языков). — В кн.: Этимология. 1977. М., 1979, 53. Здесь указано на возможную связь рязанского слова с южнославянской лексикой.

18 *Цыхун Г. А.* Беларуска-паўдневаславянскія лексічныя сувязі. Некаторыя праблемы і вынікі. — Беларуская лінгвістыка 5, 1974, 49.

19 *Клімчук Ф. Д.* [без названия] — В кн.: Беларуска-украінскія ізалексы. Мінск, 1971, 35.

20 *Супрун А. Е.* Болг. *пуля* 'таращить' и его инославянские соответствия. — Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітета. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. Мінск, 1974, 2, 20—25.

21 *Трубачев О. Н.* Об одном случае глагольного суплетивизма: праслав. *-nēti 'нести, приносить'. — В кн.: В чест на академик Владимир Георгиев езиковедски проучвания по случай седемдесет години от рождението му. С. 1980, 273—274.

22 *Чумакова Ю. П.* Из этимологических примечаний к лексике рязанских говоров. — В кн.: Этимология. 1982, М., 1984, 101—102.

23 См.: *Чумакова Ю. П.* Прилагательные со значением 'очень похожий' в русских говорах. — В кн.: Исследования по семантике. Уфа, 1982, 2, 122—124.

[24] *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка (проблема реконструкции). Автореф. дис. . . . . докт. филол. наук. М., 1981, 12, 20.

Х. Шустер-Шевц

ДРЕВНЕЙШИЙ СЛОЙ СЛАВЯНСКИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ И ИХ СУДЬБА В СЕРБОЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ

Славянская социально-экономическая и общественно-институциональная терминология представлена относительно устойчивой лексико-семантической группой слов. Она начала формироваться еще в праславянском языке и уже тогда обнаружила свой явно терминологический характер. Ее возникновение и развитие теснейшим образом связано с историей славянского этноса, его внутренней консолидацией и связями с другими народностями.

К названному кругу терминов принадлежат лексемы, которые указывают, во-первых, на объединения людей по этническому и территориальному признакам (**plemę*, **župa*), во-вторых, свидетельствуют о социальной дифференциации между группами и отдельными лицами (**župan*, **žьpanъ*, **hъpanъ*, **kъnędzь*, **vitędzь*, **vetьnikъ*, **čeljadь*, **smьrdъ*, **kъmetь*, **cholpъ*, **otrokъ*, **orbъ*) и, в-третьих, указывают на правовые отношения между ними (**větje*).

В процессе формирования соответствующей терминологии важную роль играли специфические социальные и общественные отношения родового строя и общества эпохи перехода к феодализму. В результате формирования новых производственных отношений, сильного прироста населения и связанного с этим территориального распространения славянского этноса в центральной и юго-восточной Европе у славян начали возникать самостоятельные феодальные государственные структуры. Это повлекло за собой существенное изменение первоначальной функции и старого семантического содержания названных терминов, а в отдельных случаях привело к пополнению их состава лексическими заимствованиями. Часть терминов выходит из употребления вследствие новых социально-экономических отношений, формирующихся в эпоху феодализма.

Особая ситуация возникла в древнесерболужицком языке (т. е. в бывших западнославянских диалектах между реками Заале/Эльбе и Одер/Нейссе). Здесь в IX в. началось, а в X—XI вв. уже в значительной мере закончилось политическое, экономическое и социальное порабощение древнесерболужицких племен в результате немецкой феодальной экспансии на восток. Во многих районах этой области коренное славянское население было германизировано. Все это привело к тому, что внутреннее славянское развитие указанной лексической сферы было внезапно прервано, а старые славянские

термины, если они еще не были утрачены, подверглись определенной функциональной перестройке в соответствии с новыми политическими и социальными отношениями.

При этом исследователь может опираться на относительно хорошие источники. Часть старых славянских политических и правовых учреждений вместе с соответствующими названиями еще использовалась после включения древнесерболужицких племен в средневековую немецкую феодальную структуру. Свидетельством этого является довольно большое количество Slavica, сохранившихся в древнейших латинских и немецких письменных источниках. Они являются одновременно и важными источниками изучения древнелужицкого языка [1].

При конкретном лексическом (ономасиологическо-семасиологическом) и этимологическом анализе отдельных лексем мы рассматриваем их в той последовательности, в которой они приведены выше.

1. **pelmę*

Для обозначения племени как объединения родов или фратрий, которые имеют общую территорию и пользуются общим языком (племенным диалектом), в славянских языках древнего периода не было единого термина. Исторические источники обычно дают только конкретные названия племен, иногда с атрибутом **zemła*, ср. в районе распространения древнесерболужицкого языка названия *Daleminci / Glomaci*, *Lu(n)sici*, *Milca(e)ni* и *terra Milsca*. Слово **pelmę* (рус. *племя*, польск. *plemię*, чеш. *plémě*, с.-хорв. *plême* и т. д.), которое позднее использовалось в отдельных славянских языках для обозначения этой общественной организации, в данной терминологической функции является более поздним по своему происхождению и первоначально обозначало только 'род, поколение, потомки'. Так, например, в русском языке засвидетельствовано значение 'племя, род' только в XIV в. (Срезневский: *племя великое*). В сербохорватском языке известно еще значение 'большая семья' (с.-хорв. *zadruga*), которое П. Скок (Skok II, 681) рассматривает как более древнее, первоначальное значение данного слова («Prvobitno se značenje 'Grossfamilie', koja potiče od praoca, očuvalo u Crnoj Gori»). Серболужицкому языку **plemę* неизвестно. Соответствующим верхнелужицким лексическим эквивалентом является *splah* (в нижнелужицком эта форма не засвидетельствована), который первоначально также обозначал только 'род' (Св. 1721: *gens=lud*, *zplahw*). Оба слова этимологически родственны и восходят к общему и.-е. корню **(s)pel-* 'колоть, расщеплять, отщеплять' (отсюда 'происходить, быть родом'); родственным является также **plodъ*, ср. рус. *плод*, диал. *плода* 'потомство, потомки'. В.-луж. форма *splah* 'род, племя' с относящимися сюда глаголами в.-луж. *(s)plahować* и н.-луж. *(s)plagowaś* 'выращивать, разводить (животных); культивировать (растения)' из праслав. **(s)pleg-*, а рус. *племя* и т. д. из праслав. **ple-men* (форма без подвижного *s-*). Следовательно, *род* (*племя*) обозначало то, что отделилось от общего ствола (шия) [2]. В современном верхнелужицком языке наряду с лексемой *splah* употребляется